

Человек в информационном обществе

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЧЕЛОВЕКА И МАШИНЫ КАК НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИСКУССТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

Статья рекомендована к публикации членом редакционного совета И.Ю. Алексеевой 10.11.2022.

Шавлохова Анна Александровна

Кандидат философских наук

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, кафедра философии, культурологии и социологии, ведущий научный сотрудник

Великий Новгород, Российская Федерация

ollyvost@tpu.ru

Бутина Анастасия Васильевна

Кандидат философских наук

Сибирский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, лаборатория цифровой антропологии медицинских систем, младший научный сотрудник

Томск, Российская Федерация

butina.av@ssmu.ru

Аннотация

Жизненный мир современного человека является амбивалентной территорией, он представляет собой не только социальную реальность, но и пространство машинной культуры, цифровых технологий, а также виртуализации различных видов человеческой деятельности. В статье представлен анализ ключевых точек зрения на проблему отношений в связке «человек – машина» и подходов к определению искусственной социальности. Выявлена специфика экзистенциального ландшафта взаимодействия человека и машины в современную цифровую эпоху, сформулированы выводы о его рисках и перспективах. Работа ориентирована на развитие дискуссии в научном сообществе о новых феноменах, определяющих специфику взаимосвязей людей и машин в условиях цифрового общества.

Ключевые слова

человек; машина; экзистенциальный ландшафт; искусственный интеллект; цифровое общество

Введение

Проблема взаимодействия человека и машины находится в фокусе внимания исследователей уже не первое столетие. Феномен машины выходит на передний рубеж еще во второй половине XIX века в трудах представителей интеллектуального течения философии техники. В XX веке свой «вопрос о технике» поднимает крупнейший немецкий философ М. Хайдеггер, а его соотечественник О. Шпенглер в контексте рассуждения о гибели человеческой цивилизации предрекает подъем и конец машинной культуры. В философии техники XX века осмысление изменений в образе жизни и специфике существования человека осуществлялось на стыке признания мощи научно-технического прогресса и сомнения в благе этого процесса. Успехам науки и техники с необходимостью сопутствовали явления духовного и эмоционального регресса человека, утраты им социальной субъектности, кризиса свободы и индивидуальности. По мнению российского философа Н.А. Касавиной, технический пессимизм первого десятилетия после Второй Мировой войны нашел выражение в осознании зависимости человека от машины, а также все возрастающей автономии последней [1]. Однако сегодня отношения человека и машины рассматриваются в новой исследовательской оптике в связи с широко распространенной критикой

© Шавлохова А.А., Бутина А.В., 2023

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial - ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>

https://doi.org/10.52605/16059921_2023_03_47

гуманизма и антропоцентризма, поворотом к нечеловеческому Другому, в качестве которого могут выступать как биологические, так и кибернетические объекты, а также искусственный интеллект в целом [2].

Современная теоретическая философия поднимает вопрос об основаниях социокультурной реальности, претерпевающей радикальные изменения в связи с развитием коммуникационных сетей, цифровых технологий, нарастающей дематериализацией объектов, а также виртуализацией деятельности и существования человека. И если этика рассуждает о «правах роботов» [3] и о том, могут ли машины быть моральными агентами, то для философской онтологии является важным исследовать сам бытийный статус виртуальных объектов, чему в России посвящены работы З.А. Сокулер, В.В. Миронова [4, 5]. С позиции социальной философии интересны работы Е.О. Труфановой, в рамках которых она освещает ключевые проблемы, с которыми сталкивается современное, перенасыщенное информацией, общество, где при наличии технически продвинутых устройств теряется необходимость к заучиванию и запоминанию информации [6, с. 18].

В последние десятилетия складывается и новая область исследования, ядром которой выступают теоретико-практические аспекты влияния цифровизации на существование человека и понятие цифровой экзистенции (digital existence) [5, 6]. Существенный вклад в понимание тех тенденций, которые обобщают развитие человека в условиях цифрового общества, вносит проект Института философии РАН при поддержке Минобрнауки России под руководством А.В. Смирнова. В частности, на одном из круглых столов в 2020 г. обсуждалась философско-методологическая рефлексия трансформации техно-антропосферы и искусственной природы человека, упоминались негативное влияние массовой роботизации (где машина как раз выступает в качестве инструмента новой антропной реальности) на безработицу населения, будущее редуцирование ряда профессий, невозможность контролировать систему принятия решений искусственного интеллекта, утрата приватной сферы личности и многое другое [7].

В современной эпистемологии под вопрос ставятся универсальность критериев и открытие новых практик исследовательских контекстов. Значительная роль отводится новым инструментам и технологиями, которые позволяют перекраивать человеческое существование в разных его аспектах [8]. Социокультурный релятивизм, присущий современному, насыщенному цифровой информацией и технологиями, пространству, провоцирует множественность понимания субъективного «Я», самосознание личности расщепляется и создается провокационная ситуация, при которой личность более не осознает себя целостной, единой, а дробится на множество дискурсивных «единиц Я», создаваемых в пространстве социальных коммуникаций (аватары, аккаунты в различных социальных сетях и прочее).

В новейших исследованиях, во многом опирающихся на феноменологию М. Хайдеггера, виртуальная реальность выступает в качестве особого мира, отличающегося иной пространственностью, структурой подручного, специфическими способами присутствия, а также формами отношений, в том числе и с нечеловеческими другими [5, 9]. В данном случае, мы солидарны с В.Г. Будановым, который писал: «Новая холистическая сборка не должна противоречить уже известной антропологической феноменологии, но должна дать возможность разным направлениям, дисциплинам и культурным традициям более свободно и согласованно взаимодействовать на новом быстро меняющемся онтологическом ландшафте, представляя его генезис» [10, с. 54].

Однако на данном этапе мы можем наблюдать «зарождающиеся» концепции новой искусственной социальности, в то время как целью настоящей статьи является анализ комплекса онтологических и антропологических оснований искусственной социальности и раскрытие актуальных перспектив взаимодействия и взаимозависимости человека и машины.

1 Общий методический подход к анализу искусственной социальности

Учитывая современную обстановку, которая нагнетается вокруг самого понятия «искусственный интеллект» актуализируется поиск новых решений в области воспроизводства человеческой деятельности в условиях новой, машинной/цифровой социальности. Интересным, на взгляд авторов, является модель понимания метафизики культурного антропогенеза под авторством Буданова В.Г. и др. [11, с. 62]. В контексте взаимоотношений процессуальности-состояния-смыслопорождения авторы стремятся показать, что в современном техноцентризме цифрового

общества потребления у личности (в особенности – у поколения Z) может полностью быть нивелирована ценностно-этическая и разумная компоненты личности, чем, в свою очередь, необходимо наделять антропоморфный «дружественный» интеллект для улучшения его качества.

Однако по нашему мнению, не только «погруженность» личности в цифровую среду влияет на скорость обработки информации или его когнитивные функции, а еще и средовые и генетические особенности, что также подтверждается современными исследованиями в сфере возрастной психогенетики [12, с. 28].

Ключевой методологической установкой, на которую предлагают опираться авторы при исследовании искусственной социальности, является подход к анализу экзистенциальных медиаисследований и цифровой культуры, предлагаемый в работах шведского ученого Аманды Лагерквист [5], позволяющий построить интерпретацию искусственной социальности как экзистенциального ландшафта; уточнить, какие свойства человеческой природы остаются незатронутыми взаимодействием с машиной, и какова глубина взаимозависимости человека и машины в современном обществе. Также мы полагаем, что идеи указанного автора следует дополнить теорией социологии эмоций по Э. Дюркгейму, что позволяет расширить понятие о человеческом, коллективном восприятии происходящих в социуме изменений (а именно – в части восприятия себя и машины как некоторых новых сосуществующих реалий) [13]. Для достижения цели исследования мы начнем с анализа и реструктуризации теоретического поля проблемы в научной и публицистической литературе. Далее определим специфику экзистенциального ландшафта взаимодействия человека и машины в современную цифровую эпоху. В завершении сформулируем выводы относительно перспектив этого взаимодействия применительно к указанному методу.

В методическом плане исследование базируется на общих методах систематизации, обобщении и анализа. В работе используются устойчивые понятийные категории, такие как искусственная социальность, информационное общество, искусственный интеллект, человеческий капитал и другие.

2 Машина как образ и социальный агент

С самого начала необходимо обозначить различия между машиной как понятием или концептом, машиной как образом и машиной как предметом или феноменом повседневной жизни. Очевидно, что как понятие машина возникает из системы научных категорий и соотносится с такими определениями как техника, механизм, энергия и т.п. Однако в качестве образа машина становится элементом символического языка, на котором человек говорит о себе самом, окружающей действительности, или о божественном абсолюте. Так в классической философии Р. Декарт определял в качестве машин животных, Ж. Ламетри – самого человека, а современный итальянский философ Дж. Агамбен, проводя демаркационную линию между животным и человеком, выдвигает понятие «антропологической машины» [14]. Когда образ машины подкреплён понятием или системой понятий, машина становится концептуальной метафорой социальной реальности. Предметная сущность машины актуальна, прежде всего, для естественных наук. Феномен машины в повседневной жизни может быть раскрыт в виде технических объектов и устройств. В свою очередь, техническим устройством, предназначенным для решения задач, невозможных для человека, является искусственный интеллект. Как физический носитель искусственного интеллекта машина становится не инструментом, облегчающим труд или быт людей, но социальным агентом, действующим в одной среде с человеком.

По мнению современных социологов, искусственный интеллект представляет собой «ансамбль разработанных и закодированных человеком рационально-логических, формализованных правил, которые организуют процессы, позволяющие имитировать интеллектуальные структуры, производить и воспроизводить целерациональные действия, а также осуществлять последующее кодирование и принятие инструментальных решений вне зависимости от человека» [15]. Сегодня искусственный интеллект выступает как средой, так и непосредственным участником человеческих взаимодействий, то есть становится все более и более социальным. Однако искусственная социальность представляет собой не просто социальную сеть в Интернет-среде, участниками которой выступают как люди, так и машины [15], но эмпирически фиксируемый факт включенности искусственного интеллекта в различные типы социальных взаимодействий не только в качестве посредников, но и активных участников.

При этом, зачастую, мы можем наблюдать изменения понятия о памяти в искусственной социальности. Ввиду уязвимости и неопределенности машинной культуры мы вынуждены как пересматривать, так и заново формулировать основные и «вечные» экзистенциальные вопросы: «Кто я?» «Какова моя/наша цель?», «Какова природа человеческой жизни и самого существования?». В этом стремлении нам необходимо заново концептуализировать понятие «человека», ввиду наличия бестелесного «я». Мы считаем, что без воплощенного ощущения себя (в своей телесности, в своей культурной/общей памяти) существует риск того, что исследования цифровой памяти в конечном итоге лишат нас как свободы воли, так и способности исследовать глубинные условия нашего жизненного мира; действительно, наше «бытие-в-и-с-цифровым миром» включает в себя как свободу, так и необходимость, как этические решения, так и принуждение к подключению.

По мнению А. Лагерквист, машины создают для нас «ценность» и устанавливают стандарты оценки, которые проникают в самое сердце бытия. Более того, память в эпоху искусственной социальности становится некоторой трансмедиальной форме сознания, где посредством эмоций формируется понятие о вещах, а также отношение к объектам (машинам). Благодаря этим аффектам, как полагает А. Лагерквист, и формируется память технологизированного существования [16, с. 5].

Данная концепция, по нашему мнению, созвучна идеям основоположника теории эмоций и эффекта Э. Дюркгейма, так как именно в его теории индивид предстает не абсолютно рациональным существом, а личностью, которая вплетена в сеть эмоциональных переживаний, имеющим аффективную природу. Основные положения социологии эмоций Э. Дюркгейма позволяют описать и современные феномены искусственной социальности – отношение человека к машине как к повседневному, сосуществующему элементу реальности [17, с. 140]. По нашему мнению, в эпоху новой искусственной социальности появляется некоторая новая форма «ритуала» взаимоотношений человека и устройства (device) – будь то видеочасть для блога, смартфон, планшет – где телесность человека «продолжается» самим устройством. А. Лагерквист говорит об этом в термине «the device body» [16, с. 19]. Это новая форма взаимодействия несет в себе как физическую форму, так и эмоциональное сопряжение человека и устройства. Здесь особое значение обретают терабайты данных, представленных изображениями, документами, аккаунтами, привязанными к устройствам посредством облачных технологий. Эта «память» (фотографии, жизненные моменты, заметки в телефонах) как будто отделяется человеком от себя и переносится на физический носитель (флеш-карту, телефон) или в облачное пространство данных. И тогда встает новый вопрос – а переносится ли вместе с этим, на устройства, эмоциональная составляющая? Способен ли человек испытывать эмоции по отношению к машине, как к хранителю своей памяти (узкий пример)?

Отметим, что вопрос об эмоциональной привязке пользователей смартфонов, игровых приставок к собственным аватарам (так называемый «эффект Протея» и персонификация проявлений субъектно-объектной рациональности в присвоении собственному аватару понятия «Я» поднимался в ранних работах А.А. Шавлоховой [18], где было установлено, что визуальные процессы конструирования цифровой телесности (как проявления через устройства) как часть новой коммуникативной реальности, конструируют мир личности как «сплав субъективности и объективности», как целое, в которое мы «погружаемся», причем именно чувствами, эмоциями.

3 Критика цифрового разума

Общественное мнение и научно-популярный дискурс сегодня разделены между сторонниками и противниками искусственной социальности. В пользу внедрения технологий искусственного интеллекта в повседневную жизнь говорит тот факт, что цифровые и онлайн-технологии предоставляют значительно больше возможностей самоорганизации, возникновения и поддержания отношений, чем когда-либо еще в человеческой истории. Тем не менее, в современных исследованиях [15] представлен целый ряд направлений критики цифрового разума и искусственной социальности.

Во-первых, виртуальная реальность отнюдь не способствует более активной вторичной социализации, а, напротив, часто приводит к экзистенциальным рискам одиночества субъекта.

Во-вторых, продуктом искусственной социальности выступают когнитивные и поведенческие установки поколения миллениалов (коммуникабельность, недоверчивость, озабоченность), для которого становится особенно характерен цифровой нарциссизм.

В-третьих, современные технологии цифрового общества в действительности служат цели получения прибыли, а социальное участие обеспечивается посредством различного рода вознаграждений, стимулирующих увеличение числа пользователей-потребителей цифровых благ. И когда мы говорим о какой-либо выгоде (свободного времени, эффективность от применения, экономические показатели), которую приобретает человечество при имплементации какого-либо ноу-хау, то мы забываем о более тонких антропологических последствиях, которые могут нести эти нововведения.

В-четвертых, обратной стороной повышения цифровой прозрачности является утечка персональных данных пользователей и организаций.

Наконец, искусственная социальность негативно влияет на гражданские свободы, поскольку Интернет-технологии подчас нивелируют границы между публичной и частной сферой и уничтожают право на частную жизнь, которое является основным для демократических режимов.

Перечисленные направления критики фиксируют две разнонаправленные тенденции, связанные с экзистенциальным ландшафтом цифровой среды. С одной стороны, налицо нарастающая асоциальность, при которой отношения между людьми подменяются отношениями между человеком и цифровым аватаром другого, а зависимость человека от машины становится зависимостью от гаджетов и мессенджеров, приобретает психологический/эмоциональный характер. С другой стороны, имеет место цифровая сверхсоциальность, которая все же не компенсирует эмоционально окрашенного общения оффлайн.

Российские социологи А.В. Резаев, В.С. Стариков и Н.Д. Трегубова отмечают, что нахождение в цифровой среде приводит к тройному растождествлению [15]. С самого начала, очевидно растождествление социального «Я» человека и его виртуальных аватаров. Во-вторых, растождествление осуществляется по линии разлома между стремлением к самовыражению и оригинальности и жесткими клише цифровой самопрезентации. В-третьих, происходит «растождествление желания максимальной открытости и невротической боязни за сохранение приватности» [9; 15].

Таким образом, взаимоотношения человека и машины в эпоху искусственной социальности несут в себе как новые возможности, так и новые экзистенциальные риски, связанные уже не с гибелью мира в результате технологической катастрофы и физическим окончанием существования человеческой цивилизации, но с разрушением человеческой самости и субъектности на фоне расцвета цифровой культуры, с переходом эмоций и аффекта в сторону цифровых устройств («тело-устройство», как некое продолжение собственного «Я»).

Заключение

Подойдя вплотную к взаимодействию человека и машины, гуманитарные науки пересматривают и переопределяют свои границы, как на формально-дисциплинарном, так и на содержательно-теоретическом уровне. Они склонны конституировать пределы и границы человеческого, обращаясь к образам нечеловеческого Другого, одним из которых и выступает машина.

В своем 11-м тезисе об искусственном интеллекте и искусственной социальности А.В. Резаев манифестирует, что «Люди – не машины. Люди – это не компьютеры, а компьютеры – это не люди» [19, с. 28]. Отсюда основной недостаток существующих в истории представлений об отношениях человека и машины заключается в том, что ученые ищут сходства между ними. Однако истинная потребность заключается в обратном: наука должна определить различия между людьми и машинами, выявить, что делает человека уникальным, и определить способы развития и обогащения культуры с помощью машин и искусственного интеллекта. Наше исследование в области экзистенциального ландшафта цифровой культуры также направлено на решение именно этой эвристической задачи. Мы согласны с мнением В.В. Миронова и З.А. Сокулер, что человеческое бытие, как в традиционной, так и в современной дигитальной культурах, отличается несвойственной машинам тоска по подлинному бытию.

И хотя современная цифровая антропология в лице американского исследователя Л. Сачман настаивает на тезисе, что взаимодействия пользователя-человека и интерактивных устройств

являются частным случаем общения, а искусственный интеллект является не простой манипуляцией символами, а взаимодействием с динамично меняющимся миром, в том числе его социальной сферой [20], очевидным является факт, что искусственное сознание не является истинным творцом культуры и хозяином своих инстинктов-алгоритмов.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00757, <https://rscf.ru/project/22-28-0075>.

Литература

1. Касавина Н. А. «Digital existence»: цифровой поворот в понимании человеческого бытия // *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*. 2020. № 4 (3). С. 73–89.
2. Haraway D. J. *When Species Meet* / D. J. Haraway, Minneapolis: University of Minnesota Press, 2007. 360 с.
3. Russell S. [et al.]. Robotics: Ethics of artificial intelligence // *Nature*. 2015. № 7553 (521). P. 415–418.
4. Миронов В. В., Сокулер З. А. Тоска по истинному бытию в цифровой культуре // *Вестник Московского университета. Сер.7. Философия*. 2018. № 1. С. 3–22.
5. Сокулер З. А. “Fundamental Ontology” and the Ontology of Digital World // *Вестник Московского университета. Сер.7. Философия*. 2017. № 6. С. 3–17.
6. Труфанова Е. О. Информационное перенасыщение: ключевые проблемы // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2019. № 1(16). С. 4–21.
7. Социо-антропологические перспективы цифровизации в условиях глобального цивилизационного кризиса: роль глобальной сети в переформатировании общества и личности // *Институт Философии Российской Академии Наук*. URL: https://iphras.ru/uplfile/knowl/doklad_budanov-belonogov.pdf (дата обращения: 22.06.2022).
8. Sokolovskiy S. V. Digital anthropology: Research methods and principles // *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2021. № 1. С. 200–214.
9. Фролов А. В. Феноменология в цифровую эпоху: обзор проблем // *Философия и общество*. 2019. № 90 (1).
10. Бескова И. А. Телесность как эпистемологический феномен / И. А. Бескова, Рос. акад. наук, Ин-т философии, Москва: ИФРАН, 2009. 231 с.
11. Aseeva I., Budanov V., Zotov V. Modeling Sociotechnical Convergence in Digital Network Spaces: Opportunities and Risks // *Complexity. Mind. Postnonclassic*. 2022. С. 62–70.
12. Вронин И. А., Мерзон Л. А., Исмагулина В. И. Структура индивидуальных различий скорости обработки информации и ее взаимосвязей с рабочей памятью и интеллектом: близнецовое исследование 2020. № 1 (13). С. 22–31.
13. Durkheim E. *The Elementary Forms of Religious life* / E. Durkheim, New York: The Free Press, 1995. 535 с.
14. Агамбен Д. *Открытое. Человек и животное* / Д. Агамбен, Российский государственный гуманитарный университет, Москва: РГГУ, 2012. 323 с.
15. Резаев А. В., Трегубова Н. Д., Стариков В. С. Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований // *Социологические исследования*. 2020. № 2. С. 3–12.
16. Lagerkvist A. *Memory Unbound: Tracing the Dynamics of Memory Studies* / A. Lagerkvist, Berghahn Books, 2016.
17. Деева М. От индивидуального к разделяемому аффекту: постдюркгеймианская традиция в социологии эмоций // *Социологическое обозрение*. 2010. № 2 (9). С. 134–154.
18. Лукьянова Н., Шавлохова А. Цифровое тело как образ будущего: анализ визуальных процессов конструирования // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2020. № 6(31). С. 26.
19. Rezaev A. V. Twelve Theses on Artificial Intelligence and Artificial Sociality // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change* 2021. № 1. С. 20–30.
20. Suchman L. *Human-Machine Reconfigurations: Plans and Situated Actions* / L. Suchman, Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

HUMAN-MACHINE INTERRELATION AS A NEW REALITY OF ARTIFICIAL SOCIALITY

Shavlokhova, Anna Aleksandrovna

Candidate of philosophical sciences

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Department of philosophy, culturology and sociology, leading researcher

Veliky Novgorod

ollyvost@tpu.ru

Butina, Anastasia Vasilievna

Candidate of philosophical sciences

Siberian State Medical University, Laboratory of digital anthropology of medical systems, head of department Tomsk, Russian Federation

butina.av@ssmu.ru

Abstract

The article presents an analysis of the key points of viewpoint on the problem of human-machine interrelation and approaches to the limitation of artificial sociality. The specifics of the existential landscape of human-machine interaction in the modern digital era are revealed, conclusions about its risks and prospects are formulated. The work is focused on the development of a discussion in the scientific community about new phenomena.

Keywords

human; machine; existential landscape; artificial intelligence; digital society

References

1. Kasavina N. A. «Digital existence»: cifrovoy povorot v ponimani chelovecheskogo bytija // The Digital Scholar: Philosopher's Lab. 2020. № 4 (3). pp. 73–89.
2. Haraway D. J. When Species Meet / D. J. Haraway, Minneapolis: University of Minnesota Press, 2007. 360 c.
3. Russell S. [et al.]. Robotics: Ethics of artificial intelligence // Nature. 2015. № 7553 (521). P. 415–418.
4. Mironov V. V., Sokuler Z. A. Toska po istinnomu bytiju v digital'noj kul'ture // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.7. Filosofija. 2018. № 1. pp. 3–22.
5. Sokuler Z. A. “Fundamental Ontology” and the Ontology of Digital World // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.7. Filosofija. 2017. № 6. pp. 3–17.
6. Trufanova E. O. Informacionnoe perenasyshhenie: ključevye problemy // Epistemology & Philosophy of Science. 2019. № 1(16). pp. 4–21.
7. Socio-antropologičeskie perspektivy cifrovizacii v uslovijah global'nogo civilizacionnogo krizisa: rol' global'noj seti v pereformatirovanii obshhestva i lichnosti // Institut Filosofii Rossijskoj Akademii Nauk. URL: https://iphras.ru/uplfile/knowl/doklad_budanov-belonogov.pdf (access date: 22.06.2022).
8. Sokolovskiy S. V. Digital anthropology: Research methods and principles // Sibirskie istoričeskie issledovaniya. 2021. № 1. C. 200–214.
9. Frolov A. V. Fenomenologija v cifrovuju jepohu: obzor problem // Filosofija i obshhestvo. 2019. № 90 (1).
10. Beskova I. A. Telesnost' kak jepistemologičeskij fenomen / I. A. Beskova, Ros. akad. nauk, In-t filosofii, Moskva: IFRAN, 2009. P. 231.
11. Aseeva I., Budanov V., Zotov V. Modeling Sociotechnical Convergence in Digital Network Spaces: Opportunities and Risks // Complexity. Mind. Postnonclassic. 2022. C. 62–70.
12. Vronin I. A., Merzon L. A., Ismatullina V. I. Struktura individual'nyh razlichij skorosti obrabotki informacii i ee vzaimosvjazj s rabochej pamjat'ju i intellektom: bliznecovoe issledovanie 2020. № 1 (13). pp. 22–31.

13. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious life / E. Durkheim, New York: The Free Press, 1995. 535 с.
14. Agamben D. Otkrytoe. Chelovek i zhivotnoe / D. Agamben, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, Moskva: RGGU, 2012. P. 323.
15. Rezaev A. V., Tregubova N. D., Starikov V. S. Sociologija v jepohu «iskusstvennoj social'nosti»: poisk novyh osnovanij // Sociologicheskie issledovanija. 2020. № 2. pp. 3–12.
16. Lagerkvist A. Memory Unbound: Tracing the Dynamics of Memory Studies / A. Lagerkvist, Berghahn Books, 2016.
17. Deeva M. Ot individual'nogo k razdeljaemomu affektu: postdjurkgejmianskaja tradicija v sociologii jemocij // Sociologicheskoe obozrenie. 2010. № 2 (9). pp. 134–154.
18. Lukianova N., Shavlokhova A. Cifrovoe telo kak obraz budushhego: analiz vizual'nyh processov konstruirovaniya // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 6(31). 26 P.
19. Rezaev A. V. Twelve Theses on Artificial Intelligence and Artificial Sociality // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change 2021. № 1. С. 20–30.
20. Suchman L. Human-Machine Reconfigurations: Plans and Situated Actions / L. Suchman, Cambridge: Cambridge University Press, 2006.